

DOI: 10.31857/S0869049922010063

ТОЧКА ЗРЕНИЯ POINT OF VIEW

Оригинальная статья / Original Article

Системные деформации в социальных науках как следствие иррациональной бюрократизации управления

© А.В. ОБОЛОНСКИЙ

Оболонский Александр Валентинович, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), aobolonsky@hse.ru

Статья посвящена классификации негативных явлений в современных общественных науках – их причинам, проявлениям и последствиям. Их общей мета причиной представляется эскалация бюрократических методов управления наукой. Рассматриваются две группы факторов такого рода – социальные и морально-психологические, а также методологические. К числу первых относятся: отсутствие заинтересованности у бизнеса и власти в поддержке фундаментальной науки; конформизм исследователей как ее следствие; феномен «ученых приказчиков» и его губительные для науки последствия; самообман ценностной нейтральности исследователя. К числу методологических факторов относятся: подмена содержательных критериев оценки научной значимости работ формальными показателями; избыточные требования к стандартизации научных текстов; условие обязательности эмпирического доказательства каждого научного утверждения, из-за которого в рассуждениях и оценкам общеконцептуального характера отказывают в «научности» и сужаются границы научного поиска; завышенные ожидания, связанные с развитием «искусственного интеллекта» и цифровизацией; стремление к формальному наукообразию в ущерб содержательности, что приводит к редуccionистскому, ограниченному, интеллектуально обедненному пониманию науки и отсекает логический анализ и «абстрактные» рассуждения, которые чаще всего обеспечивают самое важное приращение знания и выводят на более высокий уровень понимания социальных процессов. Привлечение внимания ученых к систематизированному в статье деформациям социальных наук способно сыграть положительную роль.

Ключевые слова: социальные науки, методология, мораль, психология, деформации, ценности, позиция исследователя

Цитирование: Оболонский А.В. (2022) Системные деформации социальных наук как следствие иррациональной бюрократизации управления // Общественные науки и современность. № 1. С. 113–126. DOI: 10.31857/S0869049922010063

Systemic Deformations in Social Sciences as a Consequence of Irrational Managerial Bureaucratization

© A. OBOLONSKY

Alexander V. Obolonskiy, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russia), aobolonsky@hse.ru

Abstract. The article discusses different negative factors in contemporary social sciences, their classification, symptoms and negative consequences. The general reason for this distortion is an escalation of bureaucratic methods of science management. Two groups of factors are considered – social and moral-psychological as well as methodological. The first group consists of: absence of businesses and authorities’ interest in supporting fundamental science; conformity of researchers as a result of their material and moral dependence; phenomenon of lackey servility among scholars and its disastrous consequences for science; self-deception of supposed value neutrality of the researcher. The second group includes: judgement of value of scientific work by formal bureaucratic indicators neglecting its quality and significance for science; excessive demands to standardization of texts; condition of obligatory empirical proof for any research suggestion that rejects general conceptual considerations and judgements as supposedly “non-scientific” and narrows room for research inquiries; excessive expectations connected with “artificial intellect” and digitalization; formal imitation of science attributes that impoverish science intellectually and cuts off logical analysis and “abstract” thoughts, regardless of the fact that the latter ones give the most important increase of knowledge and allow higher level of social processes understanding. Bringing attention of scholars to these systematized deformations in social science might lead to positive results.

Keywords: social sciences, values, morality, psychology, methodology, deformations, scholar’s position

Citation: Obolonskiy A. (2022) Systemic Deformations in Social Sciences as a Consequence of Irrational Managerial Bureaucratization. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost’*, no.1, pp. 113–126. DOI: 10.31857/S0869049922010063 (In Russ.)

В статье предложена классификация негативных явлений в современных общественных науках – их причины, проявления и последствия. Автор обращается к данной теме из-за чувства беспокойства, связанного с серьезными системными деформациями в современных социальных науках и их негативными последствиями для формирования научного знания и внедрения научных результатов в практику. Поскольку подобное чувство разделяют многие исследователи, важность и актуальность данных вопросов представляется достаточно очевидной.

Проблема эта существует не только в России. За последние годы авторитет социальных наук в мире упал. Заметно снизились ожидания и надежды, связанные с научным анализом социальных явлений и основанными на нем рекомендациями и прогнозами. Для того, к сожалению, есть объективные причины и основания. Оптимистический концепт поступательного движения человечества ко всеобщему благополучию на основе научного прогресса далеко не всегда подтверждается – по крайней мере в социальной и гуманитарной сферах. Более того, возникают новые проблемы, которые адепты решения общественных неурядиц сугубо технократическими средствами не смогли предвидеть. Зачастую технократические решения такие проблемы только усугубляют.

Впрочем, в статье автор намеренно не приводит конкретные примеры ни вообще, ни в непосредственно рассматриваемой сфере – российских общественных науках – дабы никого специально не выделять, поскольку ситуация носит достаточно общий характер, а также чтобы не уйти в сторону. Статья в основном посвящена одному, но весьма важному аспекту проблемы – негативным результатам технократического редукционизма и социального конформизма в общественных науках. Тенденции, о которых пойдет речь, привели к неоправданному снижению общественного статуса ученого и уровня уважения к нему как творческой личности – не только во внешних по отношению к науке административных структурах, но в самих научных учреждениях и вузах.

Бюрократия как общая причина и проблема

На политико-государственном уровне сложившуюся ситуацию порой описывают в дискурсе провалов государства. Автор же в данном случае ограничивается уровнем исполнительной власти. На этом уровне общая «мета причина» данных проблем видится в избыточной, во многом губительной для науки, навязываемой государственными органами, порой на грани патологии, бюрократизации и формализации управления научными коллективами и учеными. Морально-психологические патологии чиновничьего сознания и дисфункции, которые возникают вследствие бюрократической экспансии в государственном управлении, подробно описаны в [Оболонский 2019]. В целом автор разделяет и точку зрения коллег, которые характеризуют сложившуюся ситуацию как «дрейфующее в сторону абсолютизации своего ведения патерналистское государство с самовозрастающей бюрократией» (см., напр. [Рубинштейн, Городецкий 2018]). Надо заметить, что стремящийся к максимизации своей роли и влияния бюрократ – не только российская беда (хотя от этого и не легче). О пороках и угроза бюрократизации общественной жизни за последние полвека написаны десятки, если не сотни книг и статей. Исследователи предупреждают, что всевластие чиновной бюрократии, ее стремление контролировать все и вся посредством бесчисленных циркуляров и мелочного администрирования, ограничивать возможности независимых от государства институтов и присущий ей контроль над всеми материальными ресурсами делают бюрократию не активным актором государственной и политической жизни, а балластом, который может потопить весь корабль. Угрозу заметили достаточно давно. Например, алармистской «классикой» темы можно считать работы американцев В. Острома [Ostrom 1973], Р. Мертон и П. Блау, во Франции проблему разрабатывал М. Крозье [Crosier 1964], и т. д. В предельной форме этот парадокс нашел выражение в ставшей популярной к концу XX в. идеологеме «постбюрократического общества», которой автор в свое время отдал дань [Оболонский 2002] и признает ее возможной альтернативой в общих рамках либертарной концепции государства. Существует немало и более современных работ, однако их обзор, как и общие вопросы данной проблематики, выходят за пределы темы статьи. Об американском опыте и попытках решения проблемы см., напр., [Оболонский 2014].

Однако вопрос о влиянии бюрократии не однозначен, а скорее амбивалентен. Рациональная бюрократия как таковая – важное и полезное социальное изобретение. Ведь современное государство трудно представить без повседневной работы многоуровневой машины бюрократического управления. Вместе с тем ни один другой общественный институт – как в России, так и за рубежом – не подвергается столь постоянной, ожесточенной и часто вполне справедливой критике, как бюрократия. В ней видят один из худших пороков цивилизации, едва ли не главную угрозу человеческой свободе и общественному прогрессу.

Отрицание полезности бюрократии на ценностном уровне имеет давнюю историю. Подобные идеи проявлялись в ранних работах К. Маркса. (см. [Макаренко 1985]). В той же парадигме находятся анархистские и отчасти либертарные концепции общественного устройства. В рамках же классической либеральной парадигмы отношение к государственной бюрократии, разумеется, не столь радикально отрицательное, но тоже весьма сдержанное и настороженное. Перефразируя одного из основоположников политического либерализма В. фон Гумбольдта, можно сказать, что бюрократия в лучшем случае – зло неизбежное, в худшем же зло нестерпимое. Тем не менее, мало кто из серьезных аналитиков в области государственной власти и управления возьмет на себя смелость отрицать ценность бюрократии для нормального функционирования современного общества. Проблема заключается не в бюрократии как социальном феномене и институте, а в ее злокачественных патологических разрастаниях, в ее непомерной и агрессивной эскалации, экспансии во все сферы общественной жизни. Широкий круг связанных с данной темой вопросов рассмотрен, например, в [Государственная служба... 2009]. Для настоящей статьи представляется достаточным обозначить общий контекст и напомнить о базовой дилемме проблематики.

Главная же задача статьи – предложить классификацию системных дефектов современных социальных наук и описать основные проблемы, которые они порождают. Данные дефекты в той или иной мере присущи большинству таких наук. Негативные последствия также имеют общий характер.

С определенной долей условности разделим негативные факторы на две группы: социальные и морально-психологические¹ факторы и методологические факторы. Оговорим также, что автор не считает нижеприведенную классификацию единственно возможной.

Социальные и морально-психологические факторы

Отсутствие у бизнеса и власти прагматического интереса к поддержке фундаментальной науки. Фундаментальные знания плохо окупаются в материальном смысле – во всяком случае, в краткосрочной перспективе. Бизнес же, как правило, заинтересован в быстрой отдаче от инвестиций, особенно в наших условиях повышенной неопределенности и рисков. Вкладываясь в науку, бизнес выбирает те исследования, которые обещают быстрый возврат средств и не связаны с риском неудачи, что не характерно для фундаментальной науки с ее высокой неопределенностью, а иногда и непредсказуемостью результатов. Как правило, такие работы носят сугубо прикладной характер или представляют собой технологические доработки уже полученного научного результата. Похожая ситуация наблюдается и в естественных науках. Выражаясь экономическим языком, вложения в фундаментальную науку плохо капитализируются.

Властные структуры также не слишком заинтересованы в поддержке фундаментальных исследований в области социальных наук, результаты которых по своей сути мало предсказуемы, а также могут привлечь внимание к так называемым «неудобным» вопросам. Политикам и чиновникам проще не замечать вероятные «неудобные» результаты, либо стигматизировать их как происки «иностранных агентов» или «успокоить душу» результатами альтернативными, более приятными, которые всегда смогут обеспечить аффилированные с ними исследователи.

Эффект ангажированности, зависимости исследователя от руководителей, власти, от заказчиков исследований из числа чиновников, от официальной точки зрения, от собственной привязки к определенной научной школе или традиции, наконец, от своих не-

¹ В данном случае автор считает целесообразным рассматривать их в качестве единого блока.

формальных отношений. Такая зависимость бывает организационной или морально-психологической, а часто у исследователей одновременно присутствуют оба ее типа. На этой почве возникает внутренняя коллизия – своего рода конфликт интересов – между поиском научной истины (стремлением к получению объективного результата) с одной стороны и личной выгодой (групповой лояльностью, персональными моральными обязательствами и т. д.) – с другой. В данной ситуации прямая материальная зависимость или служебная ангажированность – случай наиболее простой и понятный. Феномен гораздо сложнее и многограннее. Зависимость морально-психологическая – вещь тонкая, которую иногда не вполне осознает сам человек. Для ее субъективной внутренней легитимации существуют механизмы психологической защиты – рационализация, сублимация, вытеснение из сознания и т. д. Однако ущерб поиску истины от этого не становится меньше. Чувство свободы, внешней и внутренней независимости – необходимое условие полноценного научного творчества. Не случайно даже само слово «профессор» происходит от латинского *profiteri*, что означает «свободно исповедовать свои убеждения». Реальная же ситуация во многом благоприятствует распространению и процветанию другого типа научных работников, для которых пафос поиска истины и потребность свободы находятся на шкале ценностей ниже соображений конформности, которая в некоторых случаях доходит до прямой угодливости по отношению к держателям и распределителям разного рода ресурсов.

Данная тенденция также способствует распространению в научных кругах принципа «самоограничения компетентности»: исследователи теряют общенаучное интеллектуальное «любопытство», потребность заглянуть за пределы своей непосредственной темы, прямо связанной с конкретными исследованиями человека. На взгляд автора, «самоограничение компетентности» также отчасти порождено тенденцией к раннему определению узкой специализации. Она не подталкивает научного работника к расширению своего кругозора, к получению знаний и представлений за границами его исследовательского «огорода», и, тем более, к повышению уровня общей культуры. Между тем, все эти процессы жизненно необходимы для формирования и развития личности подлинного ученого в области социального и гуманитарного знания – особенно на ранних этапах научной карьеры. Представляется, что замкнутость в узко профессиональных рамках несовместима с самой сутью социальных и гуманитарных наук. В них (в отличие от точных и естественных наук) наиболее очевидно проявляется то обстоятельство, что узкая общая образованность и интеллектуальная ограниченность человека, претендующего на роль ученого, как минимум не способствует глубокому пониманию им даже частных исследовательских проблем и задач, что, в частности, мешает формировать адекватные исследовательские гипотезы, а также правильно выбирать объект и предмет исследования.

Помимо отсутствия психологической потребности в академической и более широкой общей свободе, существует и другой, еще более разрушительный для науки феномен.

Сознательное принятие статуса «ученых приказчиков» при чиновных «вельможах». В отличие от предыдущего фактора, здесь отсутствует неполная осознанность выбора или какая-либо критическая саморефлексия, а преобладает вполне сознательный, расчетливый сервиллизм – позиция, выгодная в карьерном и материальном отношениях. Она выводит плоды трудов такого субъекта, как и его самого, за пределы науки в подлинном смысле слова. Ущерб от профанации науки руками и устами подобных «псевдоученых» очень велик.

В качестве примера можно привести муссирование идеи «особого пути» России в научных работах. Не углубляясь здесь в подробное ее обсуждение, стоит отметить, что оправдание настоящего через мифологизированное приукрашивание прошлого – типичный вариант апологетики авторитарных режимов. В исторической науке существует спе-

циальный термин для ситуаций, когда прошлое оценивают по политическим и моральным критериям настоящего – презентизм. В том же контексте можно рассматривать и идеи национальной исключительности. Так, в текстах латиноамериканских исследователей, посвященных своим странам и претендовавших на статус научных работ, приходилось читать и о чилийском «особом пути», и о перуанском «народе-богоносце», об аргентинской «ментальной державности» и даже об «уругвайской «всечеловечности». Приведенные мантры открывают широкое поле для иронических интеллектуальных упражнений, однако они достаточно красноречиво говорят сами за себя и не нуждаются в особых комментариях в контексте данной статьи. В общем же плане данное явление можно считать симптомом социального неблагополучия, которое не получается объяснить (и тем самым оправдать) другими аргументами.

В силу важности вопроса следует заметить, что фаталистический взгляд на отечественную историю лишь через призму нашей «неизбывной рабской национальной политической ментальности» и обусловленной этим якобы непреодолимой зависимости от своего прошлого, невозможности смены исторической колеи как минимум не вполне неадекватен даже в фактическом, конкретно историческом плане. Многие ключевые события и «перекрестки» российской истории не вписываются в данную идеологическую конструкцию (см. [Оболонский 2002; Травин 2018; Травин 2021; Карацуба, Курукин, Соколов 2015]). В то же время в прошлом большинства стран-«эталонов» демократического развития были не только отдельные события, но даже целые исторические периоды, которые по меньшей мере не красят их народы. Не случайно серьезные историки, как правило, описывают прошлое своих стран и регионов достаточно сбалансировано и самокритично. Тут уместно привести малоизвестную цитату британского ученого, поэта и богослова ирландского происхождения К. Льюиса: «История любой страны кишит постыднейшими фактами... Когда мы узнаем об истории больше, патриотизм наш рухнет или сменится злым цинизмом или мы нарочно откажемся видеть правду. Образ прошлого может укрепить нас и при этом не обманывать. Опасен этот образ ровно в той мере, в какой он подменяет серьезное историческое исследование» [Льюис 1992, 248].

Морально-психологические сетования и ламентации по поводу исторической неудачливости и обреченности России также деморализующе влияют на наше гражданское сознание и настрой, подавляя в людях инициативность, подрывая мотивацию добиваться позитивных перемен. В своих крайних проявлениях они выглядят как своего рода комплекс национальной неполноценности, что выводит данную позицию за пределы научного обсуждения. По сути, «особый путь» в такой версии представляет собой псевдонаучное обоснование непреодолимости авторитаризма. Труды «профессионалов-особистов», извлекающих прямую выгоду из мифа об «особости», представляют интерес не в научном плане, а совсем в иных аспектах, прежде всего с точки зрения их социальной ответственности перед обществом. С другими исследователями дело обстоит несколько сложнее. О них речь пойдет в следующем пункте.

Перестраховочная трусливость: прикрываемое наукообразием стремление под разными якобы научными предлогами уйти от описания и изучения базовых социальных и политических проблем объекта изучения в мелкотемье – к научно малозначимым и вторичным частностям. Один из приемов подобной перестраховки – аргумент от лица якобы «научной строгости», когда научные журналы отвергают острые, критические по отношению к реальности тексты под предлогом их «публицистичности», эмпирической недоканности утверждений и т. п. По наблюдениям автора, часто за данным аргументом стоят мотивы, которые далеки от подлинных интересов науки как института по производству нового знания. Напротив, данная модель поведения становится плодотворной почвой для

расцвета квазинауки. В некоторых случаях она мешает новым направлениям развиваться и формироваться в полноценные научные отрасли. Порой подобную ситуацию можно наблюдать даже в изданиях, достаточно авторитетных по формальным – ВАКовским и цитатным – критериям. Конкретных примеров немало, однако автор не будет их называть по этическим соображениям, лишь отметив, что лично сталкивался с подобным – в частности в журнале, с которым много лет сотрудничал в качестве и регулярного автора и члена редколлегии.

Самообман ценностной нейтральности. По мнению автора, так называемый внеценностный подход (value free approach) в лучшем случае можно считать добросовестным самообманом исследователя. В социальных науках, в отличие от наук естественных, ценностная позиция исследователя и связанная с ней субъективность – неустранимый элемент познавательного процесса, который влияет на выбор темы, формулирование научных гипотез и интерпретацию результатов. Другое дело, что субъективность допустима лишь на этапах выбора объекта исследования, разработки его концепции и программы, т. е. на начальных и заключительных (аналитических) его стадиях, но не на стадиях сбора и анализа материалов. Так, автор не считает, что его либерально-демократические убеждения наносят какой-либо ущерб исследовательским занятиям – а в определенных случаях они даже могут придать исследованиям дополнительную ценность в общеконцептуальном плане. Разумеется, всегда необходимо соблюдать условия максимально доступной полноты и разносторонности подлежащих анализу материалов, а также интеллектуальной честности по отношению к тем взглядам и фактам, которые не согласуются или противоречат собственной концепции исследователя. Причем это в равной мере относится и к естественным, и к социальным наукам.

Во избежание предвзятости после завершения начальных стадий работы ценности и убеждения исследователя должны быть «заперты на ключ». Например, данный принцип очень важно соблюдать в конкретной социологии, начиная от формулирования программных и анкетных вопросов и до отбора анкетеров. Условие научной достоверности, непредвзятости полученных результатов, собственно, и отличает добросовестные исследования от псевдонаучных, ангажированных штудий, которые, в частности, свойственны ряду российских политологических и социологических центров.

Влияние человеческого фактора на интеллектуальную деятельность надо не игнорировать, а принимать его во внимание, учитывать и при необходимости ограничивать или элиминировать. Автор в целом не считает идейную индифферентность, идеологическую стерильность необходимым атрибутом «научности» и объективности. Разумеется, убеждения, политические ориентации и тем более эмоции не должны влиять на объективность научного анализа, особенно на его технологическую часть и на работу с материалом. Однако полностью абстрагироваться от своих взглядов невозможно ни в политике, ни в науке, ни в других областях человеческой деятельности. Это было бы утопией. Ведь исследователи обычно принадлежат к той или иной научной школе, в которой принята определенная когнитивная парадигма, что ограничивает его видение проблемы. Определенная степень субъективности как бы изначально задана рамками конкретной области знания, научной дисциплины или личной концепции. Данные факторы нельзя устранить. Их следует учитывать как неизбежность, одновременно не закрывая на них глаза. По мнению автора, только так можно блокировать вред, который может нанести имманентная субъективность, ценностная и концептуальная ангажированность. Позиция исследователя, который заявляет о своей якобы полной ценностной и эмоциональной отстраненности от социального или гуманитарного объекта изучения, о холодном безразличии к результатам не вызывает особого доверия, а скорее представляется интеллектуальным лукавством или кокетством.

Методологические факторы

Подмена содержательных критериев оценки научной значимости работ формальными показателями. Имеется в виду абсолютизация таких критериев оценки труда ученого, как публикационная активность (количество его статей в так называемых высокорейтинговых журналах), индекс цитируемости работ, регулярность публикаций и т. п. Между тем, обстоятельные исследования данного феномена показывают их ограниченную адекватность, а отчасти и искажающий объективную картину характер [Рубинштейн 2019, 245–259; Рубинштейн, Городецкий 2018]. «Игра в цифирь» как инструмент управления наукой не слишком нужна как самим ученым, так и институту науки как таковому. Профессионалы в любой из областей науки, как правило, и так знают, «кто есть кто» в их сфере исследований. Формальные же показатели дают обманчивую картину. В основном они нужны тем, кто слабо разбирается в самой науке, но по должности или другим причинам нуждается в «простоте» и ясности – прежде всего чиновникам. Им такие «подсказки» действительно облегчают жизнь. И, наверное, не стоит этим обстоятельством полностью пренебрегать. Однако вряд ли стоит использовать их как один из основных критериев оценки ценности научных исследований и работ конкретных исследователей. Цитируемость как измеритель эффективности науки превратилась «в административную дубинку», которая не только ранжирует ученых по данному сомнительному показателю, но также искажает основания и критерии оценки научной значимости целых исследований. Неадекватность и негативные последствия данной тенденции в сфере гуманитарного знания обстоятельно проанализировал коллектив философов в [Идеи и числа 2016, 59-60]. Административное принятие концепции прямой связи между научной ценностью публикаций и их цитированием породило нарастающий поток некачественных работ, что нанесло «ущерб реальной содержательной деятельности» [Мастепанов 2020, 5; Молини, Боденхаузен 2017; Рубинштейн, Бураков 2021].

Разумеется, критика наукометрии не означает отрицание ее практической полезности. По мнению автора, она имеет вполне определенную – хоть и ограниченную – инструментальную ценность и сферу применения. Однако ее неоправданно широкое, повальное использование в качестве ведущего критерия оценки научных работ и исследователей понизило качество исследований, создало стимул (а для некоторых исследователей и необходимость) стремиться не к глубине исследования, а к количеству публикаций, продуцировало мелкотемье и увеличило количество скороспелых публикаций с малой научной ценностью.

Также встречается феномен манипуляции рейтингами журналов, чаще всего исходящий от подвизающихся на ниве науки морально нечистоплотных людей. Спрос рождает предложение – соответственно, появились журналы, которые «обслуживают» данную (якобы объективную, но на самом деле далеко не совершенную) систему. Многие исследователи регулярно получают «заманчивые» предложения от разных – в лучшем случае сомнительных – изданий. Стоит повториться: данная система оценки удобна прежде всего людям, которые далеки от науки, но стремятся или уполномочены оценивать ее эффективность, что соответствует обозначенному в статье тренду избыточной бюрократизации и формализации управления наукой.

Подобная фиксация на формальном «показателе», которую помнят люди старшего поколения, еще на примере экономики СССР продемонстрировала свою контрпродуктивность – в конечном счете она стала одной из причин кризиса советской управленческой машины. Попытки воспроизвести ее в нынешних условиях – особенно применительно к науке, которая по самой своей сути содержит высокий уровень неопределенности – негативно влияют на потенциал и перспективы ее полноценного развития. Повышение

управляемости наукой, которое якобы произошло в результате формализации критериев оценки, во многом иллюзорно, а то и просто вводит в заблуждение. Одновременно данная управленческая модель наносит ущерб социальным наукам как институту, который должен создавать знание и отвечать реальным общественным интересам, а не подстраиваться под конъюнктурные служебные нужды чиновничьего аппарата. Большинство ученых – во всяком случае в академической среде – отрицательно относятся к навязанным стандартам оценки их труда, которые порождают принципиально ущербные «правила игры».

Избыточные требования к стандартизации структуры и формата изложения научных текстов, требования формального единообразия. Вероятно, данный фактор должен воспитывать и дисциплинировать исследователей, которые находятся на ранних стадиях научной карьеры. Однако как обязательный подход такие требования скорее приносят вред, чем пользу. В таком творческом виде интеллектуальной деятельности, как наука – тем более наука социальная – любая унификация как минимум не способствует привлечению и выдвижению людей с неординарным типом мышления и способами выражения мыслей. Стремление же «построить» таких авторов, предъявляя, например, универсальные требования к форме и структуре изложения материала, «выталкивает» их за пределы научных изданий. На взгляд автора, данная тенденция отражает один из пороков бюрократического сознания, которое склонно к упрощенческому, «плоскостному» видению вопросов, что имманентно чуждо подлинной науке. Экспансия подобного **видения** на науку неприемлема и контрпродуктивна. Неуместно предъявлять одинаковые требования к текстам правового или административного характера, по своему назначению обладающим нормативной, инструктивной силой, и к текстам научным – по природе творческим, свободным и, как правило, дискуссионным.

Условие обязательности эмпирического доказательства каждого утверждения и научного суждения. Данное требование более или менее адекватно применять по отношению к естественным и техническим наукам, но в науках социальных и гуманитарных оно не представляется существенно необходимым. Социальные объекты – системы высоко сложные и многофакторные, они обладают собственной спецификой, а доступ к информации о них ограничен. Информация о них может быть принципиально неполной и потенциально недостоверной, а возможности ее интерпретации гораздо шире, чем в точных науках. Да и в целом проблемы, связанные с эмпирическими данными и отношением к ним, достаточно сложны и далеки от однозначного толкования. Неслучайно работы Нобелевских лауреатов 2021 г. по экономике посвящены, в частности, «революции достоверности» (термин введен одним из лауреатов Д. Энгристом).

«Принуждение к эмпиричности» ограничивает рамки научного поиска и суждения, наносит ущерб науке как гносеологически, так и эпистемологически. Оно ведет к серьезным содержательным потерям, так как порой на подобном ложном основании отвергаются как якобы публицистические и «ненаучные» суждения обобщающего – философского в широком смысле – характера. Иными словами, в статусе «научности» отказывают суждениям и оценкам общего характера лишь потому, что они напрямую не верифицированы эмпирикой, хотя зачастую за ними стоят глубокие размышления и опыт. В данном отношении требование эмпирических доказательств аналогично по последствиям предыдущему фактору. По мнению автора, оно влечет негативные последствия для адекватного аналитического осмысления социальных феноменов и процессов, работая на понижение общественного авторитета социальных наук, которое наблюдается в последнее время. В частности, подобные последствия могут привести к отрицанию научной корректности метода включенного личного наблюдения исследователя, который, в частности, служит одним из важнейших источников получения достоверной информации в науках об управлении.

Завышенные ожидания, связанные с перспективами развития «искусственного интеллекта», цифровизацией, big data и т. д. Данный позитивный и многообещающий тренд, как и любой сложный феномен, содержит в себе и несомненные достоинства, и определенные издержки, и даже потенциальные опасности. Практика показывает, что чрезмерно оптимистичные ожидания при избыточных надеждах могут оказаться в каком-то смысле контрпродуктивными. Такое нередко происходит, когда некое, пусть даже самое прогрессивное явление, начинают рассматривать как универсальную панацею, которую необходимо немедленно внедрить. В результате подобное «внедрение» часто происходит недостаточно квалифицированно и неполноценно, а иногда и просто превращается в профанацию, важную лишь для формального «отчета о внедрении».

В качестве аналогии можно вспомнить ажиотаж и разочарование, связанные с приходом в социальные науки кибернетики в 1960–1970-е гг. После ее политической «реабилитации» власти пытались подменить радикальное реформирование очевидно неэффективной централистской модели государственного управления повсеместным внедрением системы АСУ. В итоге это вылилось в профанацию и манипуляции (причем на всех уровнях управления) и обошлось государству примерно в 30 млрд тогдашних рублей. Можно привести и другие, более актуальные примеры в науке и за ее пределами (хотя бы тотальную вырубку виноградников под флагом «борьбы с пьянством»), однако это отвлекло бы нас от главной темы.

Автор полагает, что упования на цифровую «волшебную палочку» отчасти носят иллюзорный характер. С точки зрения автора, они в лучшем случае представляют благонамеренный самообман, на деле оказываясь технократической попыткой ухода от базовых проблем и причин неблагополучия. В худшем же варианте за данной тенденцией видится попытка возродить над обществом тоталитарный контроль на новой «прогрессивной» основе.

Думаю, было бы излишним убеждать читателя, что сказанное выше несколько не направлено против дигитализации общественных наук как таковой. Развитие адекватных математических методов анализа социальных явлений, формирование честной статистики, сетей, баз данных и т. д. несомненно работают на прогресс науки. Однако чрезмерные упования на цифровизацию, как и в других случаях поверхностного увлечения модными новыми технологиями, может привести к перекосам и опасностям, которые, по мнению автора, недооцениваются. Также в результате данной тенденции снижается интерес к другим, не менее важным компонентам научного знания и оценки научных текстов. В частности, заметна некоторая девальвация роли эвристики и научной интуиции, которая порой выводит исследователя за пределы не только «цифры», но и рационального в узком смысле слова. К тому же, само понятие рациональности, как известно, неоднозначно в гносеологическом смысле. Например, французский философ Ж. Маритен, рассуждая о рациональности применительно к получению знания в социальной и гуманитарной областях, подразделяет ее на два вида – рациональность техническую и рациональность моральную [Маритен 2000, 59].

Здесь уместно вспомнить и парадоксальную фразу Н. Бора о теории недостаточно безумной, чтобы быть истинной. По мнению автора, ее смысл – подчеркнуть важность интуитивного подхода к объекту научного исследования, который выходит за рамки подхода рационалистического.

Соблазн формального наукообразия, который возникает по совокупности названных моментов, представляет, по мнению автора, угрозу науке как институту, производящему реальное научное знание. Редукционистское, ограниченное, интеллектуально обедненное понимание науки в итоге отсекает логический анализ и «абстрактные» рассуждения, кото-

рые чаще всего и приращивают знания, выводят нас на более высокий уровень понимания социальных процессов. Вместе с тем за рамками «подлинной» науки оказываются целые области и пласты общественно значимого социального и гуманитарного знания, такие как социальная философия, теория политики, ряд гуманитарных наук.

Одновременно статус научности зачастую приобретают тексты (включая и статьи в авторитетных журналах) с малой содержательной ценностью, а то и просто пустые. Их признают наукой во многом лишь из-за наличия в них рядов «цифери» и таблиц, хотя эвристическая их ценность – не только в теоретическом, но и в прикладном, практическом отношении – часто близка к нулю. Они иногда вытесняют из научных изданий работы содержательные, но не подкрепленные математизированными доказательствами. Вопрос о том, кому это выгодно, оставим за рамками данной статьи.

Последствия деформаций

О рассмотренных тенденциях нам важно говорить и думать, поскольку они негативно влияют и на качество научных работ, и на научные судьбы конкретных исследователей. Вопреки всем официальным уверениям и формальным показателям, проблемы видны невооруженным глазом. Конечно, существование таких проблем не означает, что перестают появляться интересные – в отдельных случаях даже прорывные – исследования, а результаты таких исследований не будут публиковать. Однако появляются они скорее вопреки описанным факторам и тенденциям – благодаря таланту, энтузиазму, преданности научным ценностям отдельных ученых и коллективов. Общий же тренд и его основные элементы, по мнению автора, не благоприятствуют полноценному развитию социальных наук, а в чем-то и работает на понижение их уровня.

Представляется, что кумулятивный негативный эффект данных тенденций ведет к определенной девальвации фундаментальной науки в социальной сфере исследований, к понижению ее репутации и частичном вытеснении ее научными симулякрами. Индексы цитирования и публикационная активность даже в лучшем случае лишь косвенно свидетельствуют о состоянии той или иной области науки, а порой и камуфлируют неблагополучие. В некоторых политически чувствительных областях данная тенденция привела к неполной адекватности научного описания явлений и, как следствие, неполноценности их анализа. Более того, в некоторых случаях есть основания говорить о неполноценности научной дисциплины в целом.

Изложенные выше соображения могут быть неприятны для части коллег-исследователей, даже вызвать у них протест и возражения. Автору самому сознавать и писать это было психологически непросто и даже травматично, поскольку социальной науке он посвятил основную часть жизни. Однако именно поэтому его долг как ученого – поделиться с коллегами этими тревожными соображениями. Разумеется, они не должны задевать многих прекрасных, умных и добросовестных ученых, которые плодотворно работают в разных областях социального знания. Тем не менее, данные проблемы достаточно серьезны, и их игнорирование противоречит общим интересам исследователей. В данном – и во многих других – отношениях решающую роль может сыграть субъективный, человеческий фактор. Ситуация не изменится, пока сами ученые в полной мере не осознают свою социальную ответственность, в частности, решительно не отторгнут роль «ученых приказчиков» даже при неблагоприятных ситуативных обстоятельствах, а порой и ценой карьерных и материальных потерь. Разумеется, подобного рода решения – личный выбор каждого. Однако, по мнению автора, это – существенная часть «морального контракта», который каждый ученый заключает при вступлении на весьма непростую научную стезю.

В любом случае вряд ли получится избежать как разного рода коллизий, так и сложностей, связанных с моральным выбором. Конечно, совершать выбор «правильный», который будет максимально соответствовать принципам научной и человеческой этики, личным интересам самого исследователя и его пониманию общих интересов науки, гораздо легче и комфортней, когда существуют адекватные институты, обеспечивающие функционирование науки как особой, уникальной сферы человеческой деятельности. Независимость интеллектуальных – в частности научных – суждений необходимо защищать институционально, с чем в современной России есть проблемы. При наличии полноценных институтов корпоративная этика ученых и представителей других творческих профессий не допустит прямого вмешательства административного аппарата в профессиональные вопросы. Конечно, и в такой ситуации порой будут возникать весьма нелицеприятные дискуссии и жесткие публичные споры внутри самих интеллектуальных сообществ. Однако, уповая на перспективы совершенствования институтов, было бы не вполне морально и стратегически неверно избавлять себя от личной ответственности за поступки «здесь и сейчас». Ведь даже в условиях несовершенных институтов возможно делать достойные и полезные вещи. И, с другой стороны, даже хорошие институты не гарантируют защиты от поступков недобросовестных.

В заключение хотелось бы высказать надежду, что привлечение внимания к систематизированным в статье деформациям науки сыграет определенную положительную роль. Любые же аргументированные возражения, несогласия и дополнения в любом случае пойдут на пользу тому делу, которому ученые стремятся служить своими силами, разумом, научной совестью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Государственная служба: комплексный подход: история, политология, страноведение, оплата труда, реформы, право (2009). М.: Дело. 512 с.

Идеи и числа. Основания и критерии оценки результативности философских и социогуманитарных исследований (2016) Коллектив авторов. М.: Прогресс-Традиция.

Карацуба И.В., Курукин И.В., Соколов Н.П. (2015) Выбирая свою историю. Развилки на пути России: от Рюриковичей до олигархов. М.: Corpus.

Льюис К. (1992) Любовь. Страдание. Надежда. Притчи. Трактаты. М.: Республика. 432 с.

Макаренко В.П. (1985) Критика бюрократии классово-антагонистического общества в ранних работах Карла Маркса. Р.-н.-Д.: Изд-во Ростовского университета.

Маритен Ж. (2000) Человек и государство. М.: Идея Пресс. 196 с.

Мастепанов А.М. (2020) Публикационная активность в научных изданиях: отражение научных достижений или способ выбивать деньги // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. № 9 (189). С. 5–8.

Молини А., Боденхаузен Д. (2017) Библиометрия как оружие массового цитирования // Вестник Российской академии наук. Т. 87. № 1. С. 70–77.

Оболонский А.В. (2002) Человек и власть: перекрестки российской истории. М.: Наука.

Оболонский А.В. (2002) Бюрократия для XXI века? Модели государственной службы: Россия, США, Англия, Австралия. М.: Дело.

Оболонский А.В. (2014). Кризис эффективности административно-бюрократического государства и поиски выхода: опыт США (эволюция теории и практики государственного управления в последние десятилетия) // Вопросы государственного и муниципального управления. № 2. С. 145–170.

- Оболонский А.В. (2019) Чиновник как социальное зло (патологии бюрократического сознания) // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 87–98.
- Рубинштейн А.Я. (2019) Не РИНЦем единым // *Журнал Новой Экономической Ассоциации*. № 4 (44). С. 245–259.
- Рубинштейн А.Я., Городецкий А.Е. (2018) Государственный патернализм и патерналистский провал в теории опекаемых благ // *Журнал институциональных исследований*. Т. 10. № 4.
- Рубинштейн А.Я., Бураков Н.А. (2021) Экономические журналы в оптике наукометрии // *Журнал Новой Экономической Ассоциации*. № 2 (50). С. 205–216.
- Травин Д.Я. (2018) «Особый путь» России: от Достоевского до Кончаловского. СПб.: Изд-во Европейского университета в СПб.
- Травин Д.Я. (2021) Почему Россия отстала? СПб.: Изд-во Европейского университета в СПб.
- Crosier M. (1964) *The Bureaucratic Phenomenon*. Chicago: University of Chicago Press. 320 P.
- Ostrom V. (1973). *The Intellectual Crisis in American Public Administration*. Tuscaloosa, London: The University of Alabama Press.

REFERENCES

- Crosier M. (1964) *The Bureaucratic Phenomenon*. Chicago: University of Chicago Press. 320 P.
- Gorudarstvennaya slushba: kompleksny podkhod* [Public Service: The Complex Approach] (2009). Moscow: Delo.
- Idei i chisla. Osnovaniya i kriterii ocenki rezul'tativnosti filosofskih i sociogumanitarnykh issledovaniy* [Ideas and Numbers. Grounds and Criterias for Evaluating the Effectiveness of Philosophical and Socio-Humanitarian Research] (2016) Team of authors. Moscow: Progress-Tradiciya.
- Karatsuba I.V., Kurukin I.V., Sokolov N.P. (2015) *Vybiraya svoju istoriyu. Razvilki na puti Rossii: ot Ryurikovichej do oligarhov* [Choosing Your Own History. Forks in the Russia Paths: From the Ruriks to the Oligarchs]. Moscow: Corpus.
- Lewis K. (1992) *Lyubov'. Stradanie. Nadezhda. Pritchi. Traktaty* [Love. Suffereing. Hope. Proverbs. Treatises]. Moscow: Respublika. 432 p.
- Makarenko V.P. (1985) *Kritika byurokratiyi klassovo antgonisticheskogo obshzhestva v rannikh rabotakh Karla Marrsa* [Critics of Bureaucracy of a Class Antagonistic Society in the Early Works of Karl Marx]. Rostov-on-Don: Izd-vo Rostovskogo universiteta.
- Mariten J. (2000) *Chelovek i gosudarstvo* [Man and State]. Moscow: Ideya Press. 196 p.
- Mastepanov A.M. (2020) Publikatsionnaya aktivnost' v nauchnykh izdaniyakh: otrazhenie nauchnykh dostizheniy ili sposiob vybivat' den'gi [Activity in Scientific Publications: Reflection of Research Achievements or Way for Money Knocking]. *Problemy ekonomiki i upravleniya neftegazovym kompleksom*. no. 9 (189), pp. 5–8.
- Molini A., Bodenhausen D. (2017) Bibliometriya kak oruzhie massovogo tsitirovaniya [Bibliometry as a Weapon of Massive Citation]. *Vestnik Rossiyskoy Akademii nauk*. vol. 87, no. 1, pp. 70–77.
- Obolonsky A.V. (2002) *Chelovek I vlast': perekrestki rossiyskoy istorii* [Man and Power: Crossroads of the Russian History]. Moscow: Nauka.
- Obolonsky A.V. (2002) *Byurokratiya dlya XXI veka? Modeli gosudarstvennoy sluzhby: Rossiya, SSHA, Angliya, Avstraliya* [Bureaucracy for the 21st Century? Patterns of Public Service: Russia, USA, England, Australia]. Moscow: Delo.
- Obolonsky A.V. (2014) Krisis effektivnosti administrativno-byurokraticheskogo gosudarstva i poiski vykhoda: opyt USA [Crisis of Administrative Bureaucratic State Effectiveness and Searches for Solution: Experience of USA]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. no. 2, pp. 145–170.

Obolonsky A.V. (2019). Chinovnik kak sotsial'noe zlo (patologii byurokraticheskogo soznaniya) [Public Official as a Social Evil (Pathologies of Bureaucratic Consciousness)]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. no.1, pp. 87–98.

Ostrom V. (1973). *The Intellectual Crisis in American Public Administration*. Tuscaloosa, London: The University of Alabama Press.

Rubinshtein A.Ya. (2019) Ne RINTSem edinyim [Not by the RINTS Alone]. *Zhurnal Novoy Ekonomicheskoy Assotsiatsii*. no. 4 (44), pp. 245–259.

Rubinshtein A. Ya., Gorodetskiy A.E. (2018) Gosudarstvenny paternalism i paternalistskiy provall v teorii opekaemykh blag [State Paternalism and Paternalistic Failure in the Theory of Guardiated Goods]. *Zhurnal institutsionl'nykh issledovaniy*. vol.10, no. 4.

Rubinshtein A. Ya., Burakov N.A. (2021) Ekonomicheskiye zhurnaly v optike naukometrii [Economical Journals through the Optics of Science measuring]. *Zhurnal Novoy Ekonomicheskoy Assotsiatsii*. no. 2 (50), pp. 205–216.

Travin D.Ya. (2018) “Osoby put” Rossii: on Dostoevskogo do Konchalovskogo [“Special Path” of Russia: From Dostoevskiy to Konchalovskiy]. Saint-Petersburg: Izd-vo Evropejskogo universiteta v SPb.

Travin D.Ya. (2021) *Pochemu Rossia otstala?* [Why is Russia Lagging Behind?]. Saint-Petersburg: Izd-vo Evropejskogo universiteta v SPb.

Информация об авторе

Оболонский Александр Валентинович, доктор юридических наук, профессор факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, Москва, 101000. E-mail: aobolonsky@hse.ru

About the author

Alexander V. Obolonskiy, Doctor of Sciences (Law), Professor, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics. Address: 20 Myasnitskaya Ulitsa, Moscow, Russian Federation, 101000. E-mail: aobolonsky@hse.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 27.11.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 25.01.2022

Статья принята к публикации / Accepted: 01.02.2022